

Т.А. Талалуева (Казахстан), 1997; З.И. Айгумова (Дагестан), 1997; З.М. Гаджимурадова (Дагестан), 1998, 2007; Ш. Ле Куанг (Вьетнам). 1998; Т.Д. Дугарова (Улан-Удэ, Бурятия), 2000; Е.П. Тимофеева (Якутск, Саха), 2000; С.М. Павлов (Ханты-Мансийск), 2001; А.С. Обухов (Москва), 2001; И.П. Хабаров (Саха), 2003; М.А. Вараднян (Ереван, Армения), 2004; Е.В. Афонасенко (Благовещенск), 2004; О.В. Калиниченко (Уссурийск), 2004; Ц. Лю (Харбин, Китай), 2006; Д.Н. Шино (Намибия), 2006; О.Ж. Канжунгу (Ангола), 2009.

25. *Berry J.W.* Acculturation and psychological adaptation: review // *Journeys into cross-cultural psychology: Selected papers from the 11th International conference of the International association for cross-cultural psychology held in Liege, Belgium* / Ed. By Bouvy A.M. et. al. (P. 139—140). Lisse etc.: Swets & Zeitlinger, 1994.

26. *Мухина В.С.* Личность в условиях этнического возрождения и столкновения цивилизаций: XXI век. / Развитие личности, 2002, № 2, С. 33.

27. Там же. С.27–28.

28. *Замятин Е. Мы.*

29. *Элиас Н.* Общество индивидов. М., 2001. С. 217.

30. Там же. С. 234.

31. *Путин В.В.* Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года». Президент России: официальный сайт. <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159528.shtml>

32. Там же.

33. *Медведев Д.А.* Россия, вперед! Президент России: официальный сайт. <http://www.kremlin.ru/transcripts/5413>

34. Там же.

35. *Медведев Д.А.* Инаугурационная речь третьего Президента России. <http://ru.reuters.com/articlePrint?articleId=RUDY073121>

36. *Афанасьев Ю.Н., Давыдов А.П., Пелипенко А.А.* Вперед нельзя назад! / Континент, 2009, № 141.

37. Там же.

38. Там же.

spirit; understanding psychology; V.Dilthey, G.Lebon and G.Tard, psychology of crowd, comparative sociology, of individualism in anthropology, ideal types, traditional societies, classifications of religions, charismatic leadership.

Владимир Никитин

ЗДОРОВЬЕ КАК ОБЕЗЛИЧЕННАЯ ТЕРРИТОРИЯ ТРАНСЦЕНДЕНТНОГО*

Аннотация. Статья посвящена онтологическому исследованию возможности объективации в измененном состоянии сознания информации об организмических процессах субъекта самонаблюдения. В ходе анализа стратегии познания скрытых от рационального сознания состояний телесности отмечается трансгрессивная направленность действий человека. Отмечается тот факт, что сам акт трансоаведения выступает и в качестве намерений личности, и как средство его самопознания. Рассматриваются модели трансцендентального существования человека: «обыденная», предполагающая «слепое» следование субъекта архетипическим традициям; «индивидуализирующая», характеризующаяся стремлением индивида к управлению состояниями сознания. Выделяются и раскрываются этапы и содержание процесса познания «внутреннего пространства» тела в измененном состоянии сознания. Доказывается возможность регуляции психофизического состояния в ходе осознанного управления трансформацией организмических ощущений.

Ключевые понятия: здоровье, онтология, трансцендентальность, трансгрессия, организмические ощущения, измененное состояние сознания, телесность, Другой, архетип.

Annotation. Article is devoted to ontological research of possibility of objectifying information during a changeable state of consciousness about different processes in subject's organism. During the analyzing of strategy of awareness of implicit stances of body from rational consciousness transgressional tendency of human's actions is noticed. That is a matter of fact, that producing of trance can be both regarded as person's intentions and methods of self-awareness. As well as in the article some models of transcendental human's existence are examined: «trivial» is supposed to be «blind» subjective following traditions; «individual» is characterized by person's intention of managing states of consciousness. In the text the author singles out and scrutinizes different levels and contents of process of awareness of body «internal space» during the changeable state of consciousness. In the end the possibility of regulating psycho physical state proves to be in the way of conscious management of transformation of organic sensations.

Keywords: health, ontology, transcendental state, transgression, organic sensations, changeable state of consciousness, body state, «the other», archetype.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Здоровье как личностная ценность» 08-03-00201.

Постановка
проблемы

Казалось бы, сегодня, как никогда ранее, человек хочет знать о себе нечто большее, чем ему предлагают источники массовой информации. Он желает увидеть свое истинное лицо в пространстве социальных забот, обязанностей и вечных ожиданий. Но его надежды, по-прежнему, связываются не со своим отношением к себе, как к уникальной «индивидуализирующей сущности», а с отношением к Другому, «отражающего», как камертон, его сонастройку индивидуального с коллективным.

Несимулятивное
существование

И все же череда экстремальных перемен в обществе требует нахождения каждым индивидуумом «подлинного себя» и, тем самым, адекватно существовать в мире социальных катаклизмов. На такую необходимость указывает все усиливающееся стремление современной личности объективировать для себя то, что не замечалось и даже замалчивалось предыдущими поколениями, что рассматривалось как наиндивидуальное. Не об этом ли заявляют постмодернистские и пост-постмодернистские настроенные философы, озвучивающих потребность человека в освобождении от привязанности к дискурсивному мышлению, к симулятивным формам существования. Другой уже не рассматривается как объект для подражания, как Некто, кто способен оформить субъективную реальность. Обращение к нему, к его парадигмальному мышлению замещается стремлением к интуитивному нахождению новых ракурсов видения себя.

Здоровье как
десубъективированная
реальность

Однако в своем стремлении к свободе от страхов и зависимостей от Другого индивидуум в силу узости своего сознания вводит в пространство своего восприятия и рефлексии лишь наиболее проявленные признаки феноменального мира. За чертой его видения остаются те малозаметные составляющие бытия, которые, собственно говоря, задают тон и определяют эффективность его жизненного пути. Нелепое, искаженное отношение мы встречаем и в вопросе о здоровье, как нам представляется абсолютно десубъективированной реальности в современном обществе. Пожалуй, как ни в одной другой познавательной сфере, в вопросе о здоровье, личность не принадлежит себе; она слепо следует за указаниями тех, кто наделяется полномочиями выносить суждение «здоров – нездоров».

Так в чем же причины столь радикального переноса ответственности за отношение к собственному здоровью на Другого? Ответ, по-видимому, кроется в противоречиях миропонимания современного человека. Рассмотрим некоторые из них.

Амбивалентное
отношения человека
к вере

Противоречие первое. Личность технократического общества скорее знает, чем догадывается, что ее индивидуальный земной путь конечен. Это знание происходит из опыта собственной жизни благодаря способности наблюдать и сопоставлять. Обращение к вере носит аффективный амбивалентный характер. Надежда на существование посюстороннего мира затушевывается чувством страха за свое ближайшее будущее, непониманием мироустройства, бессмысленностью цели своего бытия. Личность остается привязанной к традиционному восприятию мира, в которой вера, а не смыслы определяют модели ее экзистенции.

Замещение
индивидуального
всеобщим

Противоречие второе. Страх конечности физического существования предопределяет потребность в поиске мистического знания о природе человека. Обращение к эзотерическому опыту связывается с верой в существование иных – высших сфер сознания, а не со стремлением к беспристрастному последовательному исследованию себя. Дело доходит до абсурда, когда призрак бессмертия обретает нанотехнологический облик. Неистовое следование за инновационными технологиями редуцирует активность субъекта; индивидуальное подменяется всеобщим, неповторимость – копией копий.

Иррациональный характер
восприятия темы
здоровья

Противоречие третье. Здоровье как понятие, отражающее состояние организма и человека в целом, с точки зрения рационального сознания является феноменом, высвечивающим отношение субъекта к самому себе как к самоорганизующейся сущности. Точнее говоря, уровень здоровья свидетельствует о качестве жизни, витальности человека. Мистическое отношение к состоянию организма и его функциям предопределяет смысловые и ценностные позиции индивидуума, его социальные стратегии поведения, характер рефлексии процесса трансформации собственного здоровья.

Однако, в отношении к здоровью кроется нечто большее, чем обыденное рациональное намерение на выживание. Не только страх боли или физического дискомфорта, социальной депривации и личного неблагополучия выводит вопрос о здоровье из сферы индивидуального в область общественного. Болезнь воспринимается как нечто иррациональное, привнесенное в человека извне; она заставляет его страдать, не оставляя ему надежду на ясность понимания того, что с ним происходит.

Разум как
«заложник»
телесного состояния

Противоречие четвертое. Страдающее тело – это тело, наполненное событиями, ускользающими от оценочных настроений. Оно – десубъектно, так как в своем

Стратегии
восприятия
личностью своего
телесного состояния

переживании чувства боли, будучи недискурсивным образованием, принадлежит исключительно самому себе. Оно может только с «озабоченностью» наблюдать за происходящими в нем изменениями, «обращая» к разуму свой немой взгляд. Поглощенный болью, сам разум становится жертвой своего неведения того, что случается вопреки его намерениям, что ускользает от его оценок, что предопределяет его интенции.

Противоречие пятое. Такая перспектива потери себя в организмических переживаниях не может рассматриваться только лишь как «уведомление» телом своего «наездника» – Эго о его потенциальной уязвимости перед болью. Личность выбирает между стратегиями пассивного наблюдателя, не вмешивающегося в «святыне святынь» – во «внутреннее пространство» тела, или – абсурдного маргинала, которому не дано знать сути вещей, но который способен оказывать на них самое наиупрямее воздействие.

Последняя перспектива требует не только готовности субъекта к активному действию; он должен обладать неким инструментарием, позволяющим вступить в пространство неизвестного и не остаться в нем, «запертым» своим невежеством в своих сомнениях и страхах. Ему придется вступить в то, что невозможно представить и что становится доступным для осознания лишь в процессе движения по лабиринту причудливых переживаний, воспринимаемых им в ходе концентрации своих чувств на новых ощущениях, несвязанных линейным временем и трехмерным пространством.

Трансгрессия как
условие
самопознания

Мы обратились к поиску принципов исследования себя, памятуя о том, что ясность приходит лишь при беспристрастном отношении к самому процессу познания. И такое знание обнаружило себя в архаических традициях трансгрессивной практики, в обрядовых действиях, в культовых символах. При этом стало очевидно, что необходимым условием движения человека к себе является его намерение на исследование неозначиваемого, вне категориального феномена, определяемого в мифическом эпосе, как пространство «внутреннего космоса» (Патанджали, Ш. Вивекананда, Ш. Ауробиндо, К. Юнг, А. Минделл и др.). Постичь себя, ему представляется возможным в ходе трансгрессивного перехода от обыденного к трансцендентальному, от рационального сознания к магическому. Именно в измененном состоянии сознания человеку становится доступным для восприятия тончайшие трансформации, происходящие в его организме и психике в процессе исследования себя.

Образ
организмического
мира в измененном
состоянии сознания

Каким же является человеку собственное «обезличенное» тело, организм в измененном состоянии сознания (управляемом его волей), то есть то, что он выделяет в себе как физическое начало. Описание характера перцепции телесности в измененном состоянии сознания лучше осуществить, используя аллегории. Если я нахожусь в мегаполисе, то мои обонятельные способности сводятся к различению наиболее явленных мне запахов: едких паров выхлопного газа, бензина, канализации – всего того, что «утилизирует» в меня технократическое общество. Оказавшись на «чистой» природе (такие уголки еще встречаются на нашей территории), я к удивлению для себя обнаруживаю бесконечный спектр запахов, большая часть которых вызывает во мне очаровывающие ощущения. Таким представляется и мой телесный мир, доступный для восприятия в своем непосредственном виде. Он становится не только доступным для пролонгированного наблюдения, но и потенциально изменяемым под влиянием намерений.

Но и в этой палитре приятных оттенков запахов можно обнаружить нечто раздражающее, дурманящее, негативно воздействующее на мое психическое состояние. Так и тело, в состоянии транса, говорит о своем нездоровье, назойливо транслирует уму о уже появившихся проблемах и степени их разрастания. Однако, тело не только указывает и маркирует «слабые» места, оно подсказывает и форму работы с ними. В чем же заключается эта подсказка?

Экзистенциальные
условия познания
«истинного
состояния» тела

Перефразируя Ж. Бодрийяра, можно сказать, что освобожденное от дискурсивной близорукости сознания способно объективно воспринимать «обнаженное тело». Своей неприкрытостью социальными установками и личностными страхами тело становится доступным для «проникновения» в него намерения. Однако, исключительно в редких случаях тело «снимает» свои одежды. Оно «обнажает» себя перед взглядом, в котором читается чистота помыслов, непредвзятость, стоическое принятие того, что обнаруживается в ходе проникновения в его глубины. Тело «захлопывается» перед пристальным взглядом того, кто намеревается использовать его в своих личностных целях. Не об этом ли писал Патанджали, говоря о первых ступенях практики философии йоги.

Тело подмечает в нас наши социальные страхи и жажду приобретения быстрее, чем наш озабоченный поиском информации о нем ум реализует свои намерения. Может быть, в этом акте протеста оно показывает

Трансцендентальность как результат эволюционного движения

нам ограниченность рациональной стороны нашего сознания, несводимость человеческих целей к общественным дефинициям. Тем самым оно указывает на несостоятельность когнитивной сферы системно воспринимать состояние организма, на недоступность для категориального мышления понимать истинные связи, формирующие и сохраняющие его целостность.

И так, в измененном состоянии сознания организмическое пространство тела становится доступным для восприятия по целому ряду новых ощущений, исключенному из поля внимания рационального сознания. Данная возможность филогенетически закреплена в нас историей выживания в различных экосистемах и культурных цивилизациях. Иначе говоря, наша трансцендентальность – результат эволюционного движения в сторону раскрытия новых способностей по обустройству и изменению окружающего мира и себя в нем. Но, так ли безупречен «транс»? Рассмотрим аргументы «за» и «против».

Бесспорно, стремлением к трансу наполнена жизнь человека и всей человеческой цивилизации. Как убедительно отмечал М. Бахтин, в состоянии транса – праздника человек «обретает» истинного самого себя. Не этим ли пленяет нас шум улицы, карнавала, звон колоколов, брызги фейерверка? Мир завораживает звуками, образами, видениями, делая нас обезличенными индивидуумами, непосредственно недискурсивно воспринимающих происходящее.

Анестетическая природа транса

Но какое отношение это имеет к здоровью? Праздник – это спонтанное, иррациональное действие, возвращающее человека к архаическому магическому восприятию и мышлению. По-видимому, наше неосознанное стремление к развоплощению свидетельствует о несостоятельности рационального Эго видеть насущное, о его инфантильности по отношению к бытийным процессам. Скорее праздник выступает в качестве анестетического средства, снимающего экзистенциальную боль осознания нашей конечности.

Транс как противоядие от суицида

Видимо поэтому, человек всегда стремился и стремится к состоянию экзальтации, в котором осознания себя, как самостоятельной единицы бытия, стирается из поля его внимания. Все, что может завораживать, обезличивать становится объектами его пристального внимания, божественного поклонения. Неслучайно К. Юнг подчеркивал значимость для современной личности ритуала, потеря которого, по его мнению, оборачивается для современного человека неврозами и психозами.

Обезволивающая функция транса для «человека обыденного»

Чувственное познание как метод познания бытия

Действительно, для «человека обыденного» такая перспектива подобна самоубийству. Попытка ограничения для него со стороны общества возможности достижения трансового состояния сводится к потере смысла существования – того, что направляет его силы на социальное и личностное созидание. Транс стал фетишем, символом человеческой природы. Его образ – маниакальная цель, стремление к которой порождает беспредметную радость, чувство наполненности жизнью.

Но, транс оборачивается и его бедой. В состоянии измененного состояния сознания круг восприятия и чувствования мира сжимается в набор устойчивых перцептивных шаблонов и схем поведения. Отношение к собственному здоровью сводится к безапелляционному следованию за уже устаревшими представлениями, транслируемыми Другим. Индивидуум утрачивает способность, различать свое и чужое. Всеобъемлющий транс «поглощает» его сознание и волю, делая придатком гедонистических намерений. Так, в чем продуктивность трансового (измененного состояния) сознания для человека ищущего?

О значении измененных (пограничных) состояний психики (сознания) для исследования трансцендентальной природы человека указывают работы, посвященные феноменологии чувственного познания. Внимание к исследованию сфер, лежащих «по ту сторону «нормального», чисто человеческого – ограниченного, недостаточного – чувствования и восприятия» [1], обусловлено попыткой осмысления сущности бытия. В качестве предмета философского анализа выступают объекты «дионисийского» трансцендентального опыта восприятия содержания «мифологического сознания», в котором обнаруживается «сворачивание» деятельности рассудка [2].

Пограничные состояния сознания определяют ракурсы и перспективы восприятия и рефлексии организмических репрезентаций. В философии сознания и трансперсональной психотерапии их относят к «не нормальным» состояниям психики. Состояния аффекта, транса, безумия – это формы «освобождения» субъекта от влияния своего социализированного «Я», пребывая в которых он не способен соотносить чувство себя с образом «Я». Это способ самосохранения нереализовыванного в Другом физического субъекта, сохраняющего свою жизнь в ситуации, когда его рассудок уже не способен выносить точное решение.

Онтологическое
значение понятия
«не-нормальное
состояние психики»

Каким же образом можно определить сущность «не-нормального» состояния психики (сознания), имеющего прямую, а не опосредованную связь с состоянием реального субъекта? По нашему мнению, отождествление «не-нормального» состояния только с состоянием психической сферы, по меньшей мере, не корректно. Принимая гипотезу о целостности человека, мы совершим гносеологическую ошибку, если будем рассматривать генезис чувственных переживаний вне контекста анализа характера восприятия того или иного телесного переживания, т. к. именно состояние тела существенным образом определяет спектр ощущений и чувств. В противном случае, феномен сознания представится в виде нематериальной самодостаточной субстанции, «вложенной» в тело, предопределяющей, преднастраивающей самую себя на интенциональное действие.

В современной философии и психологии «не-нормальное» состояние психической сферы обозначается как «измененное состояние сознания» или как «необычное состояние сознания». Понятие «измененное состояние сознания», по мнению В.В. Костецкого, исходит из анестезической практики, используемой для снятия «физической» боли [3], т. е. чувства боли, возникающего при восприятии человеком своей соматической сферы. Термин «анестезия» восходит к термину «эстетикос» – чувствительный, отсюда «анэстетикос» – бесчувственный. Иначе говоря, благодаря изменению характера восприятия телесных ощущений транс выполняет обезболивающую функцию. Но, с другой стороны, чувства – телесно опосредованы. В таком случае, картина соотношения транс с состоянием тела может быть представлена в ином свете: анальгетик воздействует на тело таким образом, что вызывает в организме качественные и количественные нейрогуморальные изменения, обуславливающие трансформацию и состояния психической сферы. Говоря другими словами, не психическое предопределяет характер восприятия субъектом телесного, а его тело под воздействием наркоза, анальгетиков, галлюциногенных препаратов и других наркотических средств вызывает трансформацию сознания, изменение характера перцепции и качества телесных ощущений.

«Холотропное
состояние сознания»

При определении содержания термина «необычное состояние психики» С. Гроф исходит из новой парадигмы осмысления сути пограничного состояния психики, обозначая его как «холотропное состояние сознания» [4]. «Холотропный» – «обращенный к цельности» или

«Идеальные» и
«виртуальные»
способы
существования
информации

движущийся в направлении целостности (от греч. «holos» – «целый», «весь», «trepein» – «движущийся к чему-либо или в направлении чего-либо»). С точки зрения С. Грофа, в холотропном состоянии сознание осуществляет возврат к *целостному* восприятию человеком себя; «холотропное сознание» – это сознание «всецелообращающееся». Оно характеризуется качественным изменением восприятия пространства и времени, расширением сферы чувствования тела и возможностью видеть «надличностное»: рождение, смерть, стадии перерождения, архетипы и т. д.

Спрашивается, что же является человеку в холотропном состоянии сознания: множественность субъективных реальностей, данных ему в опыте чувствования пространства «зазеркалья» или, говоря словами Н. А. Носова, многообразие форм проявления «психологической виртуальной реальности» [5], в которой предикат «физическое лицо» замещается предикатом «Я». Или же измененное сознание воспринимается, как измененное, необычное, благодаря наличию у человека особого чувства реальности, «собирающего» ощущения о характере перцепции субъектом себя и среды, в которой он находится?

С точки зрения Е. В. Грязновой, в современных интерпретациях категории «идеальное», «объективное», «субъективное», «психическое», «сознание», «измененные состояния сознания» относятся к сфере виртуального [6]; при этом идеальное и виртуальное, отражают два различных способа существования информации. Идеальная реальность – это вид информационной реальности, разворачивающейся в сфере сознания, в которой «информация предстает как социально-психологический феномен знания» [7]. Напротив, виртуальная реальность – «это вся совокупность информации, не доступная сознанию» [8], которая обнаруживает себя на абиотическом уровне информационного взаимодействия микрочастиц тела; на биотическом уровне информационного взаимодействия клеток; в сфере подсознания «которые и превращаются в идеальное, в высшую форму информации только после девиртуализации» [9]. Исходя из данной точки зрения, можно предположить, что измененные состояния сознания принадлежат виртуальной реальности.

Но уместна ли подобная верификация? При допущении иерархичного порядка в нейронных структурах, обеспечивающего последовательную обработку информации о состоянии тела, приходится говорить о различ-

ном значении ощущений для сохранения целостного впечатления об организме. Принято полагать, что к высшей форме информации, идеальной, относится информация социально-психологического характера, к низшей – все, что отражает состояние телесного, органического. Но в этом случае все, что характеризует состояние здоровья биологического тела, очевидным образом, будет рассматриваться как информация низшего порядка. Именно такое отношение к здоровью сложилось в современном обществе, оно же предопределило и искаженное представление о содержании сути телесного бытия человека.

Анестетическая и
сензитивная формы
восприятия тела

По-видимому, опыт трансперсонального переживания субъектом своей целостности позволяет увидеть не вымышленную «виртуальную» телесность, а те реальные стороны организмического, которые сокрыты для сознания, находящегося в «нормальном» состоянии. Как раз множественность субъективных переживаний, осознаваемых индивидуумом при «вхождении» в измененное состояние сознания, говорит о возможности расширения им спектра восприятия своего тела, о многообразии телесных состояний и их связей с психической сферой.

В этой связи, следует отметить, что существует некоторая путаница в определении понятий, характеризующих опыт целостного психоделического проживания. Мы полагаем, что опыт субъективного переживания транса может быть обусловлен одним из двух форм перцепции: к опыту *анестетического* восприятия тела, т. е. к потере способности его чувствования, и к опыту более яркого *сензитивного* его восприятия. Анестетический опыт, проявляющийся в потере ощущений тела, указывает на неспособность субъекта к объективной рефлексии себя; состояние транса возникает при использовании сильных наркотических средств или при суггестивном воздействии со стороны Другого. Снижение чувствительности тела происходит при психотических нарушениях, в состоянии аффекта, при переживании чувства страха, т. е. в моменты «расстройства» сознания, вызванного биологическими или психоделическими факторами. Характерологическими признаками, свидетельствующими о «выведении» структур телесного из поля сознания выступают, например, такие как: амимия; ритуализированное, демонстративное поведение; амбивалентное, имитационное действие и т. д. [10].

Однако, ситуация может измениться коренным

образом, если человек научается управлять своими намерениями, становясь и субъектом, и объектом своего действия. Если в состоянии «дикого» транса он безропотно наблюдает происходящие с ним перемены и не способен радикально вмешиваться в характер их протекания, то при осознанном отношении к акту трансгрессивного перехода разворачивание и сворачивание трансформацией в нем осуществляется под контролем его воли. Знание о себе приходит в ходе концентрации внимания на различных участках и функциях своего тела, повышения порога *сензитивности*. Измененное состояние сознания обеспечивает торможение активности тех структур мозга, которые ответственны за его связи с социальным миром. На смену обыденного восприятия приходит трансцендентальное, позволяющее удерживать в поле внимания бесчисленное число ощущений о состоянии организма, дифференцировать их и управлять характером их трансформации.

Осознание
наличествующего
телесного события
обуславливает
возможность его
восприятия

Практика психотехник позволяет изменить характер восприятия тела в зависимости от ракурса направленности на него внимания. Если внимание сосредотачивается на различении телесных ощущений, то пространство их «видения» и восприятия бесконечно расширяется. Если же сознание обращается к знаковому, символическому телу, то внимание «покидает» реальное физическое тело, делая его для сознания «пустым». В связи с этим справедливо отмечает И. М. Быховская, что возникновение измененных состояний сознания «связано с достижением «единения» субъекта действия с его телом, когда весь опыт приобретает характер «здесь и теперь», а индивид в полной мере ощущает тотальность бытия» [11]. Так, в состоянии осознанного транса тантрические монахи ощущают единение начал реальности: «благодаря *инструменту своего тела*, последователи возвышаются над феноменальным, «земным» миром и получают опыт недвойственности, полноты» [12] (курсив – В.Н.).

Таким образом, актуальным для исследования феномена здоровья становится вопрос не о формах верификации видов получаемой о состоянии человеке информации, а вопрос об определении особенностей *характера осознания* субъектом своего телесного бытия. По словам М. Хайдеггера: «способность стать открытым, т. е. воспринимаемостью наличного (в нашем случае состояние организма – В. Н.), предполагает разомкнутость наличия (разомкнутость нашего восприятия себя – В. Н.). *Воспринимаемость основывается*, с точки зре-

ния условия своей возможности, в понимании наличия» [13]. Иначе говоря, осознание наличествующего телесного события обуславливает возможность его восприятия.

Каким же образом осуществляется этот акт «проникновение» в себя? Исследование трансцендентального пространства начинается с констатации по дихотомической шкале характера переживаемых телесных ощущений, которые наиболее проявлены для сознания: комфортности – боли, легкости – тяжести, силы – слабости, расслабленности – напряженности, наполненности – пустотности и т.д. Исходя из опыта своего чувствования и значения качества тех или иных ощущений для себя, сам субъект восприятия ранжирует их по шкале информативности.

Далее его стратегия познания может строиться по следующему алгоритму:

- различая ощущения по их качеству, попытаться «схватить» и удержать во внимании образ себя как единой целостности; такая стратегия позволяет видеть характер взаимосвязей в композиции «телесности»;
- выделить и определить для себя наиболее значимый ряд ощущений, собрать на них свое внимание для «углубленного» восприятия наблюдаемых областей тела;
- посредством мыслеформы, используя ассоциативный ряд, попытаться трансформировать ощущения, снять негативную симптоматику;
- продолжая удерживать во внимании значимый спектр ощущений, вновь обратиться к своей целостности, исследовать происходящие с ней изменения;
- намеренно «наделить» свой организм качествами, представляемыми в воображении и выступающими в качестве стимулов расширения возможностей к самоорганизации;
- исходя из отражательной способности сознания, контролировать ход запущенного механизма трансформации, оставаясь при этом беспристрастным наблюдателем за ходом происходящих перемен;
- принимая ответственность за свои действия по изменению собственной телесной структуры и ее функций, продолжать дозировать характер вмешательства в процесс, ориентируясь на восприятие своих ощущений и последовательный их анализ.

Восприятие телесного позволяет осуществлять восхождение к глубинам духовного. Перефразируя мысль Г. Л. Тульчинского об онтогносеологическом значении

перехода Ничто в Нечто и Нечто в Ничто [14], можно сказать, что рефлексия состояния тела в измененном состоянии сознания есть трансцендентный акт перехода Нечто (означенного телесного ощущения) в Ничто (в незначающее телесное ощущение). Это – восприятие содержания ранее непредставленного в сознании чувства «телесной ткани», в процессе перцепции которой границы означающего и означиваемого исчезают. Что же находится за этой границей? Каким образом происходит осознание Ничто?

Обратимся к анализу вышеописанного процесса самоисследования, в ходе которого характер восприятия регулируется волей познающего субъекта. Что же доступно управлению в измененном состоянии сознания? Направляя внимание на то или иное телесное чувство, я способен усиливать или уменьшать его силу. Чем длительнее удерживается внимание на той или иной области тела, тем в большей степени ожидается возможность трансформации ее состояния. Моя интенциональная установка на желаемый эффект от концентрации на чувстве «телесной ткани» обуславливает процесс ее сжатия или растяжения, напряжения или расслабления, «высвечивая» в сознании ранее незнакомый образ ощущений. Усиление телесных чувств на каждом новом витке восприятия создает условия для более «глубокой» трансформации «внутреннего» пространства.

Очевидно, что последовательная рефлексия и скрупулезная интерпретация качественных особенностей протекания трансового состояния невозможны вне исследования личного опыта сосредоточения на ощущениях тела. Возможно поэтому в философской и научной литературе системный анализ состояний транса встречается крайне редко. Одним из наиболее ярких примеров описательного анализа является книга «Медитация», опубликованная по результатам 20-летнего опыта исследования Шри Ауробиндо собственной медитативной практики.

По-видимому, к ряду исключений относится и докторская диссертация В. В. Костецкого «Экстаз как феномен культуры. Философский анализ трансцендентального субъекта» [15], в которой осуществляется рефлексия генезиса трансцендентальных состояний сознания. Говоря об управляемом выходе из транса на примере коллективных ритуалов, В.В. Костецкий выделяет две формы первобытной техники саморегуляции: «транс одержимый» и «транс экстатичный» (визионерский). Здесь же отмечается, что процесс вхождения в транс

осуществляется посредством техники «неистовства», при котором, как считает В.В. Костецкий, происходит блокировка всех органов чувств. По-видимому, в данном случае речь идет об опыте *анэстетического* восприятия субъектом действия собственного тела. Но, как отмечалось выше, оценка состояния тела в этом акте не «схватывается сознанием».

Может быть поэтому В. В. Костецкий связывает тот или иной тип транса с жизненной направленностью, проявляющейся в «нормальных» или «не нормальных» состояниях сознания: одержимый транс – с маниакально-депрессивным синдромом, с нацеленностью на внешнюю деятельность; экстатический транс – с безумием, с «видением», озарением, вдохновением. В связи с этим им верифицируются формы проявления измененного состояния сознания: наркотизно-наркотический контекст, контекст традиционных трансовых ритуалов, контекст культурно-измененных состояний сознания. Если в первом случае измененные состояния сознания возникают в результате химико-фармацевтического воздействия, то в двух последующих вариантах психотропное воздействие оказывают «ритуальные двигательные активности» и атрибуты «культуры».

Экстаз как процесс
«нисхождение духа
в материю»

Как видно, культура трансовых состояний глубоко укоренена в жизни человека. Разумный человек в той или иной степени осознания обращается в сторону транса как к области внерационального существования. Экстатические формы транса, переживание состояния экстаза делает «не нормальное сознания» предметом исследования в психологии и искусстве. По мнению Б.Ф. Шлецера, стремление человека пережить чувство экстаза обусловлено потребностью освободиться «от уз ограниченного бытия». В экстазе он ищет дух абсолютной свободы, «выход из себя» [16]. Экстаз отождествляется со «священным безумием», в котором сокрыт источник жизни. В состоянии экстаза, как считал А.Н.Скрябин, происходит «нисхождение духа в материю», переживание чувства «абсолютного бытия» [17]. В связи с этим нельзя не согласиться с И. В. Кузиным в том, что привычное, статичное восприятие мира, в нашем случае здоровья, огрубляет наше представление о себе, лишает нас возможности видеть глубинные, определяющие наше существование, связи с миром [18].

Дообъектная
природа
архаического
сознания

С точки зрения психоанализа, глубинные структуры психики наиболее тесно связаны с телесностью. По мнению Э. Нойманна, «тело символизирует целостность... и его общая реакция представляет подлинную и

созидательную целостность» [19]. Стало быть, если наблюдается нарушение целостного телесного поведения, то логично предположить, что в глубоких слоях психики происходят процессы, «сворачивающие» деятельность контролирующего действия рассудка. Архаическое бессознательное, «выступая» в верхние слои психики, «подавляет» собой, «растворяет» в себе рациональное сознание. Можно допустить, что неэффективность рационального сознания обусловлена его неспособностью удовлетворять телесные «желания». На смену ограничивающей потребности тела рассудку приходит «сознание», непосредственно следующее телесному «желанию». Это «сознание», содержание которого складывалось в филогенезе и связывалось с генезисом общечеловеческой культуры, является дообъектным, определяющим первоначалом любой психической деятельности. В этой связи справедливо звучит мысль Л. Леви-Брюля, согласно которой архаическое бессознательное удерживает индивида в состоянии зависимости [20]. Но, возможно, благодаря присутствию в человеке архаического знания, он способен различать скрытые, непроявленные для рационального сознания формы телесного бытия, оценка которых осуществляется при восприятии организмических репрезентаций.

Гносеологическая
функция
измененного
состояния сознания

Основной вывод можно свести к мысли о том, что состояние сознания определяет ракурсы и спектры восприятия жизни тела, вычленение и определение тех или иных сторон здоровья человека. То, что для одного «типа» сознания является сокрытым, недоступным, для другого становится явным, «читаемым». Отсюда мы полагаем, что исследование проблемы здоровья не может быть объективным без рассмотрения содержания телесных состояний индивидуума, находящегося в измененном состоянии сознания. Чем многообразнее опыт телесного переживания представлен в сознании, тем объективнее интерпретация сущностных аспектов здоровья.

Последовательность
аналитической
обработки опыта
самонаблюдения

Расширение опыта самонаблюдения и рефлексии характера восприятия «чувственной ткани» тела достигается посредством практики техник трансформации состояний сознания. Используя *метод отождествления*, «за скобки» анализа выводится все то, что «выпадает» из поля внимания в процессе исследования организмических репрезентаций в различных состояниях сознания. При этом те стороны телесности, которые фиксируются вниманием в различных состояниях сознания, и будут характеризовать здоровье рефлектирующего субъекта.

Познание себя как экзистенциальный «скачок»

Такое движение к себе одновременно и увлекательно, и драматично. Сам процесс познания себя предстает как попытка экзистенциального скачка в то, что не определено на уровне рационального сознания, что остается пространством интуитивного, чувственного. Открывая в себе истинного себя, человек переживает трансцендентальное чувство своей бесконечности, что вызывает в нем прилив сил, надежды и радость. В нем борется надежда на получение истинного знания о себе, о возможности расширения границ своих способностей с мыслью о своем несовершенстве. «Человек ищущий» осознает трудность осуществления своих намерений, связанных со своим пребыванием на Земле. Быть безупречным в отношении к самому себе оказывается крайне трудно; наше внимание постоянно «бежит» от того, что, казалось бы, должны быть актуализировано в сознании. Социальные детерминанты не покидают нас даже в состоянии глубокого транса; как сторожевые псы, они следят за правомочностью наших действий по отношению к самим себя. Мы являемся узниками общественных установок, осознаем это и не знаем, как быть с накопленным человечеством знанием о самих себе.

И все же, осознавая абсурдность своих устремлений, человек ищет смыслы, принимая свою ограниченность, свое неведение глубин себя. Его надежда в революционном скачке познания своей природы. Говоря словами А. Камю, мы действуем безрассудно, осознанно выбирая пути движения, в ходе которого обретаем чувство свободы. Страстно стремясь к истине, мы отказываемся от заостренного, от того, что навязывает нам гедонистическая цивилизация. В поиске трансцендентального в себе мы не только пытаемся стреножить свои страхи и сомнения; здоровье становится объектом индивидуального познания, «вверяющего» себя в руки интуиции. Исследуя и экспериментируя с собою, мы создаем себя, приобретая новые возможности в самопознании и саморегуляции.

1. Лобанова М. Н. «Экстаз» и «безумие»: особенности дионисийского мировосприятия А. Н. Скрябина // Вопросы философии. 2007. № 3. С. 160.

2. Баксанский О. Е. Психологические основания эзотерических учений (в свете аналитической психологии К. Юнга) // Дискурсы эзотерики (философский анализ). М., 2001; Лысенко В. Г. Непосредственное и опос-

редованное в чувственном познании: Дигната и Прашас-тапада // Вопросы философии. 2006. № 5. С. 83-92.

3. Костецкий В. В. О терминологии измененных состояний сознания // Измененные состояния сознания. СПб., 2006. С. 68 – 69.

4. Гроф С. Надличностное видение: Целительные возможности необычных состояний сознания. М., 2002. С. 8.

5. Грязнова Е. В. Виртуальная реальность: Измененное состояние сознания или информационный феномен? // Измененные состояния сознания. СПб., 2006. С. 13.

6. Там же. С. 15.

7. Там же. С. 19.

8. Там же.

9. Там же.

10. Корнетов А. Н. и др. Этология в психиатрии. Киев, 1990. С. 67 – 71.

11. Быховская И. М. Homo somatikos: аксиология человеческого тела. М., 2000. С. 145.

12. Там же. С. 35.

13. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001. С. 91.

14. Эпштейн М. Н. Философия тела. СПб., 2006. С. 328 – 329.

15. Костецкий В. В. Экстаз как феномен культуры. Философский анализ трансцендентального субъекта: Автореф. ... д. философ. н. Тюмень, 1996.

16. Шлецер Б. Ф. Скрябин. Личность. Мистерия. Т. 1. Берлин, 1923.

17. Скрябин А. Н. Записи. Тексты // Русские Пропилеи. Т. 6. М., 1919. С. 164.

18. Кузин И. В. Танцы в темноте, или неустойчивость реальности без «изменения» сознания // Измененные состояния сознания. СПб., 2006. С. 108.

19. Там же. С. 304.

20. Там же. С. 306.

История идей

Лев Клейн

КОНЦЕПЦИЯ ЗАМКНУТЫХ КУЛЬТУР И ЦИКЛИЗМ

Аннотация. Идея циклизма в рамках различных концепций развития и эволюции замкнутых культур рассматривается в историческом аспекте гуманитарного знания Европы и России XIX – XX веков. Показано как эволюционировала идея становления и упадка культуры определенного народа, государства, этноса в различных теориях. Особое внимание уделяется культурно-историческим воззрениям Н.Я. Данилевского, культурологическим работам О. Шпенглера, идеям российской евразийской этнологии, социологическим и этнологическим теориям В. Шубарта, А. Тойнби, П. Сорокина, Л. Гумилева.

Ключевые слова: концепция замкнутых культур, циклизм, релятивизм, культурогенез, этногенез.

Annotation. The idea of cyclism in the context of different conceptions of development and evolution of closed cultures is considered in the historical aspect of European and Russian humanistic knowledge from XIX – XX centuries. This article presents evolution of the idea of formation and decline of culture of particular nation, state, ethnic group in different theories. This article emphasizes on cultural-historical view of N. Danilevskiy, culturological works by O. Shpengler, ideas of Russian Eurasian ethnology, sociological and ethnological theories by V. Shubart, A. Toinby, P. Sorokin, L. Gumileva.

Keywords: conception of closed cultures, cyclism, relativism, culturegenesis, ethnogenesis.

Концепция замкнутых культур, циклизм и релятивизм

Концепция замкнутых (параллельных, эквивалентных) культур, циклизм и релятивизм. Это предмет, который практически отсутствует в учебниках истории антропологии. Фигуры, представленные здесь, также отсутствуют, хотя некоторые из них занимают свое место в истории социологии, философии или истории.

Название концепции не общепринятое, хотя никто не сомневается, кого сюда можно относить. Ну, конечно, О. Шпенглер, конечно, А. Тойнби. Впрочем, мы увидим, что не только они, а может быть, и не они в ней застрельщики.

Актуальность концепции в современном мире

Кризис европоцентризма как подоснова концепции

Историографы называют эту концепцию по-разному, используя для этого разные характеристики концепции. Ее называют также *концепцией параллельных (или эквивалентных) культур (или цивилизаций)*. Коль скоро культуры и их ценности считаются эквивалентными, можно эту концепцию характеризовать как *релятивистскую*. А раз эти культуры или цивилизации располагаются исторически, сменяют друг друга в качестве ведущих сил на мировой исторической сцене и каждая из эквивалентных культур имеет начало и конец, то каждая образует как бы цикл, можно сказать, проходит один и тот же цикл. Поэтому у концепции есть и еще одно название – *циклизм, концепция становления и упадка (rise-and-fall concept)*.

Когда я приступил к этой теме, мне показалось, что она особенно злободневна для Восточной и Юго-Восточной Европы, где нет стабильности, где крупные империи (Турецкая, Австро-Венгерская, да и Российская) развалились, где то и дело возникают новые государства, претендующие на равенство с ведущими державами мира, на эквивалентность своих ценностей тем, которые навязаны миру ведущими нациями. Но чем больше я вникал в тему, тем больше осознавал ее общезначимость для современной ситуации в мире, где новые центры технического прогресса образовались в Восточной и Юго-Восточной Азии (Япония, Южная Корея, Тайвань), а также Индия и Китай поколебали уверенность сверхдержавы США в устойчивости ее лидерства.

Кризис европоцентризма как подоснова концепции. Национализм и изоляционизм как суть региональной реализации концепции. Ведущие мыслители эпохи Просвещения верили в единый и универсальный разум человечества. Эволюционисты второй половины XIX века были уверены в единообразных законах развития. Моделью развития те и другие видели европейскую культуру – это был образец для остальных, высшее достижение мировой цивилизации. Историограф М. Харрис даже отмечает у эволюционистов очень заметные черточки, которые мы сейчас охарактеризовали бы как расистские (в частности презрительные высказывания Л.Г. Моргана о неграх).

Критикуя эволюционизм, диффузионисты увидели за общим сходством различие частных культур, они прослеживали связь и взаимозависимость разных культур. В культурных явлениях они отмечали сходства, повторяемость, видя в этом распространение одного и того же, *гомологию*. Но, упирая на различия, они дошли